Автор: Оргкомитет
04.04.2015 19:09

Живет в Генте (Бельгия).

ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ

Экскурсия

Когда сгустившееся пекло накрыло заселённый склон,

в многометровой толще пепла живьём был город погребён.
А ныне он от наслоений очищен, для зевак открыт.
И вот развалины строений к осмотру предлагает гид.
Сюжеты потускневших фресок, длину аллей и колоннад –
он знает всё, и голос весок, и прихотлив подбор цитат.

В картинной выставке несчастья, в красотах злополучных мест
есть что-то дикое в контрасте, штрихов сомнительных не счесть.
Пустоты, залитые гипсом, в разнообразье поз и черт –
наглядный памятник погибшим и украшенье бренда «смерть».
Фотографируясь у слепков, роясь над тишиной одров,
жужжат туристы, словно слепни, сосущие живую кровь.

И ты отходишь, цепенея, в отчаянье глухонемом,
держа в себе *свои* помпеи, в подвздошье ощущая ком.
И, сострадая по привычке грести теченью вопреки
всем тем, кого из жизни вычли, чьи души ныне далеки,
кого теперь запанибрата посмертно продают за грош,
в душе несёшь свою утрату и в сотый раз осознаёшь,
что ты и сам хранишь трёхмерный, неизлечимо полый след,
и что живёшь, неся каверну, где человека больше нет.

* * *

Он знает и сам: в загоне.
Мишенями многоточий
размечен. В разделах хроник
пекутся проклятий сочни.
Уйти, не ступив на грабли,
в замалчиванья, в пробелы,
хоть в Переделкине вряд ли
удастся мир переделать.
Он чует душок сенсаций
и пороха запах кислый.
Залечь и не приближаться
к черте оседлости мыслей.
От лая, флажков, картечи
норой уйти, огородом,
в туннели косвенной речи,
в подстрочники, в переводы.
Он видит: везде пикеты.
Готовятся бить на взлёте.
И он понимает: гетто.
И глухо уходит в Гёте.

* * *

Хмыкают: скажешь тоже, что общего между нею и Моцартом?
Грамоты нотной, и той не знала, куда уж до канцонетт
или концертов; так что, мне говорят, крыть нечем, где козырь-то?
Нечем крыть. Ни крышки, ни гроба, да что там – могилы нет.
Так же как Амадея, тело её, оставленное душой отмучившейся,
волоком дотащили и бросили в общий зловонный ров.
Не о цинизме речь, скорее, о равно=душии: все они шли кучей, всяк
знал, что туда им всем и дорога. В печку ли вместо дров,
в общую душевую ли – а куда же ещё-то душам?
Холокост, назовут потом. Стало быть, холо-кости, жилы, хрящей сырец –
все вещдоки размазались сажей, пылью; а хрипы и сип заглушим,
что-нибудь сыграем погромче, того же Вольфганга, Вагнера, наконец.
Голосят теперь: не было этого, и тетрадки её подделка. То ли верить
нам, то ли нет, – толерантность! Что же до разных правд,
то они так и остались разными: всё зависит от стороны двери
с фальшивыми книжными полками в доме на Prinsengracht.

Страница автора в сети